

СВА

Фрагменты романа

Парадник

Терял последние листья и остатки тепла дождливый ветреный октябрь. Именно тогда в один из вечеров он столкнулся в метро с бывшим одноклассником, чудачком и модником из давно забытых школьных лет. Лицо и фигура высокого тощего парня в потёртых джинсах и жёлтой вельветовой куртке промелькнули в толпе, но показались знакомы. Уже из-за спины донёлся окрик:

— Старик! Не узнаёшь? — с лёгкой запинкой, улыбаясь, парень добавил. — Забыл... наш десятый класс? Я — Вадик. Помнишь такого?

После рукопожатия они прошли в людском потоке несколько шагов и надолго застыли посередине огромного зала «Кропоткинской», вспоминая бывших друзей и свою далёкую, смехотворно наивную прежнюю жизнь...

— Значит, студнем стал, — Вадик резко сменил тему. — А где тусуешься?

— То есть? — он не сразу понял вопроса.

— Значит, нигде. Я тебя правильно понял? — покровительственно навис школьный друг и подмигнул. — Тогда двинули в наш парадник! Тут рядом. Время есть? Кайфанём ради встречи, я тебя с пиплом познакомя, с герлухами клёвыми. Не жмись, вижу, что хочешь. Показали!

На выходе из метро Вадик деловито оглядел его и поморщился:

— Прикид у тебя, не обижайся, совок голимый. И хайр тоже под комсомольца. Ну ничего. Зато фейс и рост вполне рулезные. Всё будет о'кей! Запомни, ты мой оддовый джус. На тусовке... — он снисходительно прервался. — А ты, может, и про пиплов, про хиппи ничего не слышал?

— Слышал, — смутился он.

— Но видел только издалека, йес? И феню нашу с ходу не просекаешь, я вижу.

— Ну-у, понять можно...

— Ладно, въедешь по ходу дела. Ты в скуле, помню, на инглише ток неплохо давил. Кстати, в тусовке меня зовут Дик. У нас у всех свои кликухи. И у тебя тоже будет, — с этими словами он вошёл в магазин и жестом поминал за собой: — Надо вайна для начала взять, хотя бы пару ботлов.

— Скажи, «парадник» — это от слова «парад»? — неуверенно спросил он.

— Отчасти да, — усмехнулся Дик. — В наше парадное хиппы приходят при полном параде, как на праздник, хотя там и фуфлово. Но больше деться некуда, особенно в холода. На флэтах тусовки другие, и почти всегда в напряг — то с пэрэнсами, то с соседями...

Скинулись и купили дешёвого портвейна. Через несколько минут вошли в подъезд старого дома недалеко от бульвара и оказались во вместительном парадном, освещённом голой тусклой лампочкой. От сырости

мелкими известковыми цветами коробились крашенные в бледную зелень стены. Полуразбитые кафелины пола с дореволюционными узорами были стёрты тысячами ног...

— Хэй ю пипл! — приветственно крикнул Дик в обширное пространство и подтолкнул его вперёд. — Зис ис май джус. Мой фрэнд скуловый и вообще бэстовый мэч.

На них разом оглянулось с десятков улыбающихся, внимательных, равнодушных, грустных лиц. Но одна пара так и не разомкнула долгого поцелуя. Девушек было больше.

— Хай! — рыжий крепкий парень с широкой тёмной лентой на лбу осмотрел его с ног до головы и протянул руку. — Как тебя по кликухе?..

Он пожал плечами и слегка покраснел:

— Никак, я...

— Уот из ю нэйм? — сдерживаясь, чтобы не прыснуть от смеха, пропищала блондинка в яркой вязаной кофте с множеством блестящих пуговиц и нашивок.

Он продолжал глупо молчать. Невысокая девушка в куртке-балахоне с пуховой оторочкой и несколькими вплетёнными в волосы разноцветными нитями неожиданно подошла, положила руку на его плечо и дыхнула сигаретным дымком:

— Скажи, как тебя зовут? Ну, просто... твоё детское имя.

— Сева, — так же тихо ответил он, цепенея от её прикосновения.

— Так забудь! — девушка повелительно улыбнулась, сияющие, чуть расширенные зрачки золотисто-карих глаз сразу врезались в память. — Тебя зовут... Сва.

Она тут же обернулась ко всем:

— Пипл, ай ю презент! Зис из Сва!

— Понтово... — рыжий переглянулся с нею.

— А всё же, отглаголь для начала, ты кто? — донёсся девичий голос из глубины подъезда.

— Теперь не важно, он в нашей тусовке, — девушка, отошла в сторону, и он понял, что здесь все её слушают.

— О'кей, Сва! — парень вполне дружески хлопнул его по плечу. — С тебя ботл.

— Оф корс, — сзади возник Дик и вытащил из сумки портвейн. — Всё в полном райте...

— Тогда — летс дринк. Меня зовут Бор.

— Лучше скажи, Перебор, — смеясь, оттолкнула его румяная толстушка в хитро связанной кофте и звякнула толстыми пластмассовыми бусами. — Я — Точка.

— Глори, — другая, с яркими грустными глазами, коснулась его щекой.

«Красивое имя», — отметил про себя Сва. После этого все потянулись к нему с рукопожатиями, а девушки — с беглыми поцелуями, пристальными, лукавыми, оценивающими взглядами.

— Муазель, — чмокнула высокая красивая блондинка.

— А я — Ни-Ни, — сделала в воздухе кокетливый жест её подруга с аккуратным личиком и тоже легонько коснулась губами щёки.

— Этого мэна зовут Откол, — как можно серьёзнее произнесла Муазель, давясь от смеха.

— Не... Я просто Коля! — театрально сложился надвое парень с подвижным лицом и завораживающе ясными, крупными глазами.

— Потоп. Или Потап, между прочим... — тряхнул руку ещё один, с горбатым клоунским носом.

— Данетт.

— Да или нет? — не выдержал Сва.

— Посмотрим... Ты не первый, кто спрашивает, — усмехнулась, тряхнула кудрями миловидная девчушка.

— Мади, — загадочно произнесла брюнетка с длинными ресницами и сразу отошла в сторону.

Она была старше остальных и единственная подкрашивала губы.

Всех этих прозвищ Сва не запомнил, как не запомнил и многих лиц. Позже всех к нему подошёл невысокий розовощёкий паренёк, похожий на студента и одетый так же скучно, как и он сам. Пушистая бородёнка едва скрывала пухлые губы и нетвёрдую, ускользящую улыбку:

— Юра, — задумчиво представился, глянул серьёзно, с явным дружелюбием.

— Не слушай, это Нот! Он на любой музыке, на каждой ноте с ходу заворачивается, — произнесла, приблизившись, кареглазая девушка, которая первой его поцеловала.

— Вовсе не на любой, — мягко возразил Нот.

— Нот соу бэд, — почти не думая произнёс Сва, глянул на девушку и смущённо вымолвил: — А как же... тебя зовут?

— Лави, — прищурилась она и чуть откинула голову.

Лицо его неожиданно вспыхнуло, тёплая волна разлилась по телу.

— А теперь немного кайфа для лайфа! — изобразив из ладони поднос пьяного официанта, Откол пошёл по подъезду сразу с двумя открытыми бутылками.

Пили по очереди. Бор, оказавшийся в чёрной бархатной широкополой шляпе, играл на гитаре что-то из битловского «Трудного дня», но его английский баритон невозможно было понять. Свет маленькой лампочки под потолком вскоре начал золотиться и расплываться мелкими лучами. Сва сидел вместе со всеми у стены, на сложенных картонных коробках, ёжился от проникающего в спину холодка и поглядывал по сторонам. Прокуренный воздух подъезда казался теперь совсем домашним.

— Дай-ка я засингую что-нибудь покруче! — Лави взяла у Бора гитару, и все сразу оживились:

— Файн! Заделай для меня «From Me To You», — крикнул Потоп.

За ним начали наперебой просить другие:

- «And I Love Her»!
- «Квинов» спой: «Save Me»!
- «Somebody To Love», только её!
- Нет, нашу любимую, — умоляла Точка.

Лави, не дожидаясь, пока все затихнут, уверенно начала красивым чуть сильным голосом: «Yesterday, all my troubles seemed so far away...» Потом без остановки спела «A Day In The Life» и «Роллингов» — «Леди Джейн». Девушки негромко, почти без слов подпевали. Все остальные курили. Никто не смущался, когда хлопала входная дверь или с лязгом приземлялся лифт, и мимо тенями мелькали жильцы. Кто-то недовольно качал головой и глухо бубнил, кто-то поджимал губы, долго тяжело разглядывал одежду и лица хиппов и уходил, махнув рукой:

— Расселись тут, распелись! Да, всё не по-нашему! Откуда вы только взялись?

Лица герлиц

На целый месяц прежняя жизнь Сва утонула в сигаретном дыму, из которого будто сами собой с каждым днём возникали всё новые лица и незнакомые мысли. Три года запойного чтения, литература, искусство, философия, третий курс филфака, студенческое бытие, занятия спортом и даже любовные встречи, в которые он, как в мелкую реку, ненадолго погружался — то по пояс, то по грудь и никогда с головой, — мгновенно теряли смысл. Сва задыхался от волнения, входя в парадник, и никак не мог привыкнуть к своей новой жизни, так неожиданно начавшейся и ничуть не похожей на всё, что он знал и видел раньше. Друзья из тусовки, их особые понятия и привычки, замысловатая одежда, даже язык и манера говорить кружили голову. До тихого помешательства доводили манящие отчаянной юной красотой девушки: так много ласки источали они и к нему и ко всем вокруг, что он не знал, как себя вести. Лишь одно было грустно: Лави больше не появлялась. А именно её Сва жаждал увидеть больше всего. Спросить о ней не решался, часто наведывался в парадник, но держался там осторожно и упорно ждал, когда она придёт вновь.

— Любить всегда, всех, дарить себя друг другу как цветы — это так просто! А иначе — зачем юность, зачем жить? — звучали в ушах чьи-то нежные, чуть лукавые слова.

И было уже не важно, чьи. Пожалуй, любая герлица могла повторить их, обвиваясь руками вокруг шеи и делая кис. Ночами, после каждой тусовки или сейшена, когда в параднике собирался незнакомый народ либо они сами всей компанией шли куда-то «на стрит», Сва метался в пустыне. От невероятных голодных смесей вина и сигарет нестерпимо горело нутро. На щеках таяли следы поцелуев, в ушах звучал английский рок и несуразный, забавный и привязчивый пипловый сленг. Но самым острым

оказалось чувство неведомой ранее свободы. Пусть это была свобода лишь среди своих.

— Совок — это не только страна такая убогая. Это система, которая всё душит, — объяснял ему Дик. — Чтобы выжить, надо вписаться в другую систему, и лучше нашей ты не найдёшь. Здесь полная воля и кайф вместо тоски и всеобщего маразма.

«В самом деле, как я мог раньше так жить? Одиночкой в толпе, среди монстров и дебилов, между крезушником и зоопарком?» — внутренне соглашался Сва и шёл в парадник с необъяснимым, постыдно-глупым ожиданием чего-то чудесного, что вот-вот должно с ним и всеми остальными произойти.

— Вдумайся, что это за судьба? — как-то разгорячилась Муазель, прижавшись к нему плечом: — Родиться, прожить и умереть среди вечных строек и помоек, в загаженных хрущёбах, в домах-уродинах, от которых даже работяг тошнит! Почему всех в Совдепии так низко опустили? Я, например, в Италии хочу жить. Там моя настоящая родина, в Европе, в Штатах, но не здесь!

Так или почти так думали все вокруг. В параднике друг друга понимали с полуслова. Но более всего всех угнетало отсутствие денег, а вовсе не полисы или очередной съезд партии. Мани, бабл, прайс означали для одних желанную свободу, для других нечто более земное. Их искали, аскали, зарабатывали, как умели.

— Старик, если ты ещё не выбрал между кайфом и гумозным ворком, крутись как знаешь. Жизнь в системе тоже требует жертв, — однажды принялся его вразумлять незнакомый мэн, забредший в парадник с бутлом водки. — С пэрэнсов много не состругаешь, а на одну стипендию ты через неделю стухнешь. Мэйк мани. Кто мажорит втихую, кто дурцой пробавляется. Смотри сам... А то могу скантовать тебя с одним конкретным мэном.

Из уважения к его спутанному, подбелённому перекисью хайру Сва растерянно улыбался, но дальше пары глотков дело не пошло. Тот покрутился по параднику и медленно, вразвалку вышел. Весь остаток вечера Сва переглядывался с Данетт, оценивая её внезапный жест: в самом начале, выбрав момент, она подошла к Сва, прижалась щекой к щеке и прошептала, скашивая глазами на незнакомца:

— Вяжи с этим по-быстроу. Стрёмный он. Верняк, полисам стучит или на гэбуху горбатится.

Несколько дней он с досадой думал об этом типе, с трудом привыкая к мысли, что среди пиплов тоже есть стукачи, как и по всей стране.

— Обойдусь без таких помощников, что-нибудь придумаю. Мне много не надо. Главное — избавиться от этого дурацкого цивильного прикида, а там посмотрим...

Накануне Дик, как нарочно, заявил ему при герлах:

— Ты больше месяца с нами тусуешься, а всё как студень. Пора поднапрячься, дресс сменить! Не думаешь?

Сва задохнулся от обиды: и это говорил его друг! — покраснел и быстро, ни с кем не простясь, пошёл к выходу. Дик нагнал его уже на бульваре:

— Старый, ты чё? Даже не дослушал. У меня с собой точно для тебя отвальный куртон есть. Не брендовый, конечно, но — класс. Давай куда-нибудь завалимся. Только лукни — с ходу зависнешь, — он почти насильно затянул Сва в ближайший подъезд и достал из сумки чёрную вельветовую куртку с кожаной отделкой. — Тебе прямо в сайз! С зиперами, с покетами клёвыми. За стольник отдаю, без навара, как бэстовому джусу. Ясно, что ты сейчас без прайса, но такой мазы потом долго не будет.

Унижение медленно проходило, но Сва колебался:

— Я бы взял, но деньги только завтра будут, к вечеру. Надо у мазер полтинник подзанять.

— Бери, не чеши репу! — Дик протянул куртку. — Бабл потом. Кстати, могу для тебя гудовые джины достать. Брендовые, тоже за стольник, а так — за полпрайса. Ты как?

— Надо бы взять, конечно... Но пока не могу. Никак! Спасибо, Вадик.

— Лучше — Дик. У тебя всегда проблема солиди, да?

— Как ты догадался? — усмехнулся Сва.

— Легко. Всем пиплам житуха в напряг, все нулевые ходят. Откуда у нас бабл? Мой совет: тряси пэрэнсов, чтобы на клоуз хватило. Что им мани — с капустой солить, что ли?

— Они обещали к Новому году отсыпать немного, в подарок. Не раньше. У них даже на еду толком не хватает, за кооперативку расплачиваются.

— Тряси их плотнее, чтоб не жались! А этот дресс попсовый попробуй в комок толкнуть, — он небрежно ткнул пальцем в его почти новое осеннее пальто.

Дик вёл себя непонятно: то по-хамски, то вполне приятельски. Как и обещал, вскоре достал за полсотни неплохие джины, а ещё через месяц недорого продал в долг крепкие, почти неношенные хагены. Отстирать, отчистить, зашить всё это было не так уж трудно. Отныне Сва носил с тайной гордостью и уже не снимая настоящий хипповый прикид. В тусовке он стал почти неотличимым от других. Неодолимое, как поначалу казалось, препятствие было преодолено почти чудом, оставалось лишь расплатиться с долгами.

— Не новое, но файновое, — не выходила из головы фраза Дика.

Теперь его прежняя одежда — костюм и пальто, подаренные родителями после поступления в университет, — годилась только для экзаменов и редких поездок к ним в гости.

Однажды вечером Сва пришёл в парадник сразу из универа с потрёпанным отцовским кожаным портфелем, полным книг.

— Что это у тебя за глюковина? — прыснула Мади, и все вокруг расхохотались.

— Наследство от бабушки, — нашёлся Сва, но ощутил на лице лёгкий досадный жар. — Ему уже лет сто, не меньше...

— Да, приколы. И букварей у тебя там! На всех нас хватит, — улыбнулась Глори и подмигнула, что значило: «Не вянь, смейся с нами!»

— Восемь ботлов поместится, — оценивающе глянул Бор и почесал в затылке.

— Дай поносить! — тут же подскочил Откол.

Изображая крезанутого профессора и тараша глаза по сторонам, он аршинными шагами прошёлся по спирали, потом завертелся в центре, прижимая портфель к груди и картаво выкрикивая:

— Учиться! Учиться! И ещё много-много раз — учиться! — подождал, пока стихнет смех, и замычал голосом кретина: — Экзамены сдают и принимают в дурдоме. Вместе с анализами...

Книги вывалились на пол, Сва схватился за голову и ринулся к Отколу.

— Караул! — истошно заорал тот и, бросив портфель, в театральном ужасе взбежал по лестнице на целый пролёт.

То краснея, то бледнея от всеобщего смеха, Сва молча собрал книги, вытер каждую носовым платком, бросил его в угол и удалился, ни на кого не глядя. На улице его нагнал Нот:

— Не бери в голову! Обычная проверка на прочность. Они вовсе не дауны, но подколоть любят, особенно новичков. Молодец, всё правильно сделал. Теперь ты — свой, увидишь.

В ответ Сва скривился в угрюмой улыбке и промолчал. Через десяток шагов остановился, вздохнул и пожал Ноту руку:

— Если бы не ты, я бы туда больше никогда пришёл.

Среди пиплов он после этого действительно стал своим. На следующий день герлицы наперебой тянулись к нему сделать кис, парни заглядывали в глаза и дружелюбно хлопали по плечам, а Откол, как ни в чём не бывало, протянул крошечную шоколадку и тут же вытащил бутылку рэда, подмигивая:

— Давай на двоих, а?

Пили и смеялись все вместе, но к шоколадке никто не притронулся. Тогда Глори, взяв её в губы, заставила Сва откусить половинку и закончить поцелуем. Кружилась голова, в груди теплело от вина и ещё больше от исходящей от неё и других герлиц, будто рассеянной в воздухе нежности.

Но дома одолевала грусть: Лави напрочь исчезла из парадника. Лишь раз Сва случайно, глупо разминутся с нею из-за учебных дел. На следующий день Точка передала ему от неё привет, усмехнулась, но больше ничего не сказала. И Сва разволновался.

— Ты что, правда на Лави зависишь? — ухмыльнулся Дик. — Все герлухи уверены.

— Ну, не больше чем остальные, — отмахнулся он. — Сингует она классно, хотелось бы ещё послушать. Говорят, привет мне вчера передавала? А сама почти не появляется. Странная немного, тебе не кажется?

— Лави фёрстая герла — факт! Но глухая и к тому же флэтовая. Её фрэндихи сами не знают, когда она в парадник прикамает, — втолковывал ему Дик и многозначительно шурил глаз. — Чего ты удивляешься? У неё свои тусовки, свои дела, свои лавера...

После этого разговора Сва охватила тоска. Влекущие, с тревожными скорбными тенями глаза Лави, их первая встреча, неожиданный поцелуй, её песни слишком глубоко проникли в душу. Он боялся представить, что будет, если увидит её. Ведь дальше, он-то себя знал, неотвратимо начиналась любовь... И потому изнывал: если у неё есть кто-то, зачем передавать привет ему, Сва? Скорее всего, Дик, как обычно, привирает. Лучше всего было бы забыть о всех его ухмылках. Продолжать жить, стиснув сердце, предельно собравшись, как в ожидании боли или неведомого счастья. Сва хмуро пожал мягкую ладонь приятеля, издали махнул всем рукой и поехал домой.

Приближалась безнадёжно долгая зима, и вместе с последними листьями исчезало радостное удивление, в котором прошли почти два месяца. Оказалось, что в хипповом радужном мире не хватало главного — любви. Ни рулезный прикид, ни легко освоенный сленг, ни быстро пробившаяся каштановая борода, о которой герлицы наговорили ему столько комплиментов, мало что изменили. Каждый день видеть их привычно целующимися то с одним, то с другим становилось невозможным. Без особого сожаления Сва соглашался быть «глухим мэном», отходил от всех в любимый угол, мрачно сутулился, и никто не разглядел бы, как, прикрыв глаза и ошалело куря, задыхался он от гложущей тоски:

— Неужели они так спокойно становятся общими для всей тусовки? И такая жизнь им вполне катит? Или мне всё это кажется?.. Если так, значит они вообще ничего не чувствуют. Ни душой ни телом! Говорят о любви ко всем на свете, а любить по-настоящему они могут, хоть кого-нибудь?

Ни алкоголь ни сигареты не помогли унять мелкую поганую дрожь. Сердце колотилось, разгонялась по телу пьяная тяжесть, и он готов был бежать куда угодно из парадника, лишь бы прекратилась тихая одышливая горячка. Не было ничего глупее, наивнее, абсурднее, чем искать здесь что-то настоящее. Кисаться то с одной, то с другой, потом тащить её в постель — и так со всеми, по кругу? А дальше?.. Лучше было бы забыть обо всех них, на всё забыть. Но он знал: если уйдёт из Системы, то навсегда. А идти было некуда и не к кому.

Знакомые герлицы — Сва был в этом уверен — не слишком пытались понять, почему он так быстро сник, стал отмалчиваться и избегать тусовочных объятий и поцелуев. Они хмуро, издали поглядывали на него и считали полностью задвинутым на Лави. Как ни пытался Сва сойтись с какой-то из них, чтобы хоть бы немного развеять тоску, ничего хорошего не получалось.

Напрасно то с Данетт, то с Мади, то с Глори он часами говорил о Бергмане, Феллини, Тарковском, битниках, Керуаке, Гессе, Булгакове, о любимых рок-группах и так далее. От него явно ждали другого. Быть может, они тоже искали родную душу и стремились вовсе не к хипповой любви? Сва чувствовал, как от простой, самой дружеской нежности в их глазах мгновенно возникало лёгкое безумие, и учился каменеть в ответ, превращаться в дерево, лёд, пустое место.

Ни к кому, кроме Лави, его не влекло, не могло влечь. Встретиться с нею он мечтал уже до одержимости, безнадежно пытался о ней забыть и в мельчайших подробностях вспоминал манящие глаза, лицо, фигуру, голос. Лишь ради того, чтобы её увидеть, мотался по разным тусовкам и почти ежедневно приходил в парадник. Он давно уже не ездил ни на факультет, ни в библиотеку, но и оставаться дома, непрестанно думая о ней, был не в силах. С каждым днём в нём крепла убежденность: Лави вовсе не пипловая герла, как все остальные. Она настоящая, и потому сделала отовсюду соскок. Никто не знает или не скажет, как её найти. А сам он даже не представлял, где её искать. Сва уже готовился одним болевым рывком расстаться со всеми хиппами и опять погрузиться в мир одиночек, но останавливало необъяснимое предчувствие: надо терпеть и ждать. Лави обязательно появится.

Дик

Из-за пронизывающего ледяного ветра в тот вечер парадник был непривычно малолюдн и тих. Не было гитары, никто не пел, не смеялся. С полдюжины пиплов столпились в самом тёплом месте, у батареи, курили, без особой охоты глотали ледяной вайн и лениво переговаривались. Дик, едва завидев Сва, отвёл его за локоть в глубь подъезда, где к заколоченной двери чёрного хода поворачивали во тьму усыпанные мусором ступеньки и несло подозрительной вонью.

— Старик, давно не виделись. Не хочешь косячок рвануть? Немного опиума для пипла. Или религии для народа, как сказал бы отец всех мажоров, — он протянул тоненькую самокрутную сигаретку.

— Это что? — догадался Сва и напрягся.

— Это? Травка, маришка таджикская. Не пробовал ещё? — глаза Дика глубокомысленно блеснули.

— А ты пробовал?

— Не смейся! Я уже два года зависаю.

— М-да... А зачем тебе?

— Да, просто. Чтобы крышу покруче задвинуло. Отрубиться, кусок кайфа поиметь. А что?

— Не пойму, зачем такой кайф лично тебе? Ты что, по-другому не умеешь?

— Чего тут понимать, май джус? Торч много круче водяры. А жизнь кругом фиговая... Нет кайфа в лайфе. Ну, будешь? Если что, потом сочтёмся.

— Нет, я... — Сва заметался взглядом по стенам и неуверенно предложил: — Слушай, у меня с собой портвешок молдавский есть. Может, дринканём? Прямо сейчас.

— Ладно. Уговорил, — он замялся и спрятал сигарету.

Сва пил понемногу, как обычно. Дик жадно, крупными глотками, быстро хмелел, хмуро усмехался, выслушивая пустяшные прогоны о жизни, учёбе, последних тусовках. Потом вдруг перебил, хмельно растягивая слова:

— Мне это давно в облом. Вот где! — он провёл рукой по горлу.

— А наш парадник?

— Лабуда это, не сечёшь разве?

— Ты же сам меня сюда привёл, — удивился Сва.

— А-а! — отмахнулся Дик и, опираясь спиной о заколоченную дверь, разом прикончил бутылку. — Пошли отсюда, смердит.

Они вернулись в подъезд, но остановились вдалеке от остальных. Дик пьяно привалился плечом к стене и с мрачной многозначительностью произнёс:

— После «лета любви» в Калифорнии... и Вудстока ничего гудового в мире не было. И уже не будет. Тем более в совке.

О чём шла речь, Сва имел смутные представления и спросил совсем про другое:

— А по жизни... ты что ищешь?

Вместо ответа Дик ни с того ни с сего начал рассказывать про какую-то мочалку:

— У неё что фейс, что брэст — полный улёт. Ботва обсадная, а бэк-сайд — сразу до крезов заносит. Кисанёшься разок и заторчал. Я был от неё в коме недели две, пока она не свинтила. Фрилав давила, я не просёк... — он опустил глаза, но тут же овладел собой и ухмыльнулся: — В системе так, старик! Не жмись особо с герлухами. Хочешь, скантую тебя с одной чувой. Сайзы — умат! Можешь клёво пристроиться к ней. А то у нас тут, вообще-то говоря, одна ботва и криватень тусуется.

Сва смущённо пожал плечами:

— Я бы не сказал.

— Ну а чё ты тогда с ними паришься? Повторяю тебе, как фрэндю. Забей на Лави и расслабься! Я вижу, наши герлухи при тебе давно кисляк дают.

Говорить с Диком и даже думать о Лави в его присутствии Сва был не в силах, едва сдержался, чтобы не крикнуть: «О ней при мне молчи! А то фейсану тебе разок, как фрэндю, чтобы не лез не в своё дело!» Но вместо этого разжал кулак и вяло отговорился:

— Знаешь, сначала нужно герлице хоть в глаза заглянуть, по душам с нею поговорить...

— Брось эти понты! Душа, или что там у них есть, у любой герлы с ходу открывается вот этим, — он сделал выразительный жест рукой. — Что мне тебя, учить, что ли?

— Учить чему? Мы не в школе. Я разных девиц повидал... Мне совсем другое нужно, — прервал его Сва.

— Йесенько... Значит, ты такой? — Дик как-то странно усмехнулся.

— Такой, — он не нашёлся, что ещё сказать и, поёживаясь от холода, выскочил из парадника.

Долго вспоминал Сва этот разговор и сигарету с травкой:

— Понятно, Дику жизнь давно опаскудела. И к тому же он понтырщик. Такая отмычка работает лишь там, где открывать давно нечего. Но дурь — это серьёзно, это отмычка уже от мозгов, чёрный ход в самую душу.

Жизнь в параднике проходила по своим законам. Чтобы меньше мозолить глаза, обычно собирались ближе к восьми вечера, когда жильцы уже безвылазно сидели дома. После очередного стрёма с вызыванием полисов все на несколько дней рассыпались по другим тусовкам. Ходили на «Трубу», «Пушку», «Гоголя», к «Ноге» или заваливались на чей-нибудь флэт. А через неделю-две потихоньку возвращались в парадник. Так же непрерывно смокали, смеялись над приколами, обнимались, поражали пионеров глючным дрессом, феньками и непрерывным стёбом, аскали мелочь, делали детский смайл возмущённым гражданам, иногда все вместе шли в кафе «Аромат», где блаженно тянули копеечный чай со слойками или с пустым хлебом, иногда скидывались и в ближайшем лабазе покупали на всех конфет и дешёвого вайна, долго согревали и настраивали доску, чтобы отсинговать пару песен, кайфовали в тишине, подписывались на пати и сейшены с другими тусовками, мечтали о весне и летних трассах и к полуночи разъезжались по домам до следующего раза.

Но Сва, чтобы жить дальше, должен был мертветь. Изнутри. С каждым днём всё больше. Гнать любые мысли, смеяться любому пустяку, базарить ни о чём — быть как все. Он держался из последних сил. Только ночью в нём всё срывалось.

— Одиночество оттого, что один ночью, — крутилась в голове дурацкая мысль.

От неё он пытался избавиться, то глядя в книгу, то уставясь в окно. С нею засыпал, забывая во сне себя и неодолимую грусть. И внезапно просыпался, когда в нём просыпалась надежда:

— Она придёт. Не может же она пропасть навсегда.

Упражнения в смехе

В очередной раз придя в парадник, он попал на бёздник Откола. Тот был в ударе, да ещё по такому случаю принёс вина и кучу разных глюковин.

— В честь моего двадцатилетия провозглашаю сегодня новое направление в искусстве. Называется Аз-арт!

— Азарт? — переспросил Потоп.

— Вот ты первый и попался, — довольно рассмеялся Откол. — Аз-арт, а не азарт! «Аз» — это я, ты и любой кто захочет, а «арт» — всем понятно. Получается, если мозги наморщить, «я-искусство», то есть «самоискусство». В переводе на московско-пешеходный это значит «самовыражение».

— Ну и как ты будешь теперь прикалываться, подкалываться или откалываться? — поинтересовалась Точка.

Откол молча, без улыбки поднял палец вверх, и все покатались со смеху.

Для начала он вытащил из сумки и повесил себе на спину небольшой коллаж в багетовой рамке на мотив картины «Не ждали», где вместо фигуры ссыльного была наклеена фотография хиппара в крутом прикиде. Расхаживая так, Откол читал короткие, забавно-нелепые стихи и, уставившись глазами в глаза, доводил до истеричного смеха одну герлицу за другой: «Квадратное сердце», «Он с женой контуженной», «Надувная птица», «Цветок в горшке», «Поцелуй тротуара»... Кроме названий и отдельных строк Сва ничего не запомнил. Сочинения Откола в тусовке хорошо знали и называли, как и он сам, «стихарями».

— Прочти «Красные фиги»! — крикнул Потоп.

— Нет, это я читаю только по крупным государственным праздникам, — комично посерьёзней Откол. — Когда на всех улицах торчат одни фиги.

Не подавая вида, Сва долго всматривался в его лицо и когда пересёкся с ускользящим взглядом Откола, не поверил: в глазах его стыла весёлая жуть, в бессмыслице слов колотилось отчаяние, всё походило на непонятную пытку себя и других... Или так показалось? Откол не подавал вида. Насладившись эффектом «стихарей», он неожиданно пустил по полу заводную мышь, которую все тут же начали с визгом и хохотом ловить.

— У братишки взял поиграть. Умоляю, не ломайте! — кричал довольный Откол.

— Кайф! Срочно найдите кошку! Где кошка? Умираю, держите — пласт будет! — визжали девушки.

— Бор, совсем крезанулся? А-а! А-а-а!

Это Бор сунул мышь за шиворот Муазель.

— А для тех, кто боится мышей, — крикнул Откол, — предлагаю маленький концерт.

Он вытащил из кармана губную гармошку, набрал в рот сигаретного дыма и выдул аккорд. Вместе со звуками из отверстий пробились струйки белёсого воздуха.

— Откол, дай дунуть! — хохотнула Данетт и тут же начала выдувать ноту за нотой.

Рядом покатывались со смеху другие и рвали гармошку к себе.

— Народ, спокойно. Следующий аз-артный номер! — жестом фокусника он достал из-за пазухи детскую пластмассовую дудочку и повторил опыт: страшно вытаращив глаза и надув щёки, издал дикий звук, вылетевший вместе с колечком дыма. — Как, впечатляет?

— Класс! — хмыкнул Потоп. — Можно оттянуться?

Откол невозмутимо отдал флейту Потопу и тут же в упор выстрелил в него из пистолетика с лентой бумажных пистонов. Отпрыгнул, сунул его Точке и крикнул:

— На, будешь отстреливаться! От Потопа и от полисов.

Хиппы ополоумели: носились по подъезду за мышью, пытались дуть друг на друга «музыкальным дымом», поочерёдно, вспомнив детство, стреляли трескучими пистонами и смеялись до потери сил. Но тут, перекрывая шум, Откол громко крикнул:

— Сто-оп! Стоп всем! — вынул из сумки пакет и поднял высоко над головой: — На случай стрёма! Если жильцы станут нависать, типа «пошли вон!», всем надо замолкнуть и взять в рот вот это. Хватит каждому.

Он принялся сосредоточенно раздавать направо и налево дешёвые соски-пустышки. Раздался громовой хохот, несколько пиплов сползло по стенке на пол, изнемогая в смеховых конвульсиях. Долго ждать не пришлось. Вскоре на лифте спустился юноша, глянул на дружно чмокающих пиплов, недоумённо поправил очки и диковато гоготнул.

— Держи, малыш! Это тебе от райсобеса, — протянул пустышку Откол.

— Нет уж... Вы тут сами, без меня... — смутился тот и с оглядкой поспешно скрылся.

— В кино не увидишь! Комики! — добродушно остолбенел старик, старательно повертел пальцем у виска и заковылял к лифту. — Подождите, я жену позову, фотоаппарат вынесу.

— Во здорово! Приходите обязательно!

— Со всей роднёй!

Проводив очередного жильца, пиплы корчились в припадках смеха, хватали ртами воздух и ходили вдоль стен с бессильно плачущими глазами.

— Чудо-соски! Для продления жизни! — с пафосом кричал Откол.

Наконец с улицы вошла знакомая всем женщина средних лет, грозно обвела взглядом подъезд и сказала, заводясь с полуоборота:

— Так! Опять вы здесь!

Все мгновенно замерли и, глядя на чудище по-детски вылупленными глазами, принялись дружно и звучно сосать пустышки.

— Что? Совсем рехнулись? — вскрикнула женщина и неуверенно отступила к лифту. — Издеваетесь, да?

— Мы ещё маленькие, — не выдержала Муазель.

— Мы хорошие. Нам есть хочется, — жалостливо протянула Точка.

— Щас вас накормят. В отделении. На бульвар выметайтесь! Живо!

— А на улице холодно! — продолжала Точка. — Нам там стра-ашно...

— Тётянька, не выгоняйте нас, пожалуйста! — басил Бор.

— Дурью маются. Всех вас на стройку! В Сибирь отправить надо! Вкальвать!

— Мы готовы, сразу вслед за вами... — крикнул Откол.

— Вроде трезвые, а чего творят. И правда, хуже младенцев, — сбавила тон женщина. — Неужто моя дочка такой станет? — она захопнулась в лифте, а ей вслед кричали:

— Пусть дочка к нам приходит!

— Ей с нами классно будет.

— Ещё чего... — из плывущего вверх лифта донёсся задушенный вскрик и потонул во всеобщем восторженном гаме.

— Всё, халатов зовите! Отъезжаю.

— О-о, ташусь! Прун пошёл, о-о!

— Не могу, живот от смеха... вывихнул!

— Гуд фо ю, Откол!

— Давайте споем ему!

Откол с серьёзным видом сосал пустышку, вслушиваясь в плохо звучащие голоса:

— ...хэппи бёсдей ту ю, Откол! Хэппи бёсдей ту ю!

На этот раз Сва не усидел в углу. Вместе со всеми пил портвейн, улыбался и с великим трудом сдерживал смех. Перед уходом подошёл к Отколу, благодарно глянул в пьяное улыбающееся лицо, но так и не решился ничего сказать, только пожал руку. Тот в ответ вынул из кармана заводную мышь, взял её губами за хвост, по-кошачьи помотал головой и очень похоже мяукнул. На одном плече у него висела Точка, на другом Мади.

Много дней без всякой причины Сва вспоминались две строчки из «Надувной птицы»:

И думала птица, что небо — в груди,
Что целая жизнь у неё впереди...

А потом она, конечно, лопнула. Как детский воздушный шарик...

Разумеется, Откол был прав, он всё понимал. Глупо страдать из-за людей, у которых «квадратное сердце». Но зачем так жестоко смеяться и над собой и над пиплами, с их мечтой «улететь в небеса»? Кто-то всех нас «надул», всего на несколько мгновений, и вот-вот треснет голова. Но почему он так безудержно весел? Чем держится? На все попытки сблизиться Откол отвечал гримасами и самыми дурацкими выходками.

— Это же Откол! Он такой был и навсегда таким останется, — говорили о нём герлицы.

Нот сдержал усмешку и попытался объяснить необъяснимое:

— С ним особо не поговоришь. Ясно, что талантлив, и это знает. Один знакомый — отец в рок-авангардных кругах, — слышал, как Откол свои «стихари» читал, и заценил: «Мэн может далеко продвинуться. Но пока это лишь способный наивняк. Для юнгов сойдёт». Я согласен. Откол всякий, в нём всё перемешано. Все его любят, девицы к нему липнут, но никто не знает, что у него в душе. Хотя, мне кажется, он давно и безнадежно на Лави глаз положил...

Иначе и быть не могло. Сва признавался себе, что в своих чувствах отнюдь не одинок. Лави нельзя было не любить. Тусовка без неё заметно тускнела. Никто не подавал вида, но все ждали её возвращения. А о Лави не было никаких вестей. Даже её подруги пожимали плечами:

— Дереву ясно: телефон отключила. Уже которую неделю не отвечает...

Сва не мог пересилить тоску и, хотя денег было в обрез, каждый вечер покупал портвейн, угощал пиплов, слушал их пустоватые прогоны, а в душе то и дело взмывали воспоминания об их единственной встрече и необъяснимые, то ли радостные, то ли тревожные, предчувствия. Герлицы держались от Сва в стороне, с кем-нибудь из хиппов он глотал вайн, до одури курил, в нужных местах кивал головой и улыбался, но говорил мало и вяло — о всякой ерунде. С краю, в углу или у стенки, потерянно отсиживал час-другой, на прощанье махал рукой в пространство и молча исчезал.

«Способный наивняк». Несколько дней вертелись в мозгу эти слова, он примеривал их к Отколу, Ноту, себе и с досадой усмехался:

— Ну и припечатала олды! Сразу всех, кто моложе. Наплевать... Пусть для них мы наивняк. Они тоже такими были. Во все времена так было. Пожалуй, только про Лави не скажешь, что наивна, в ней что-то другое есть, странное, непонятное...

И опять мысли надолго возвращались к ней.

Лави

Лави появилась в параднике неожиданно — в начале декабря. Вид у неё был отрешённый, больной, почти мрачный. Она тихо со всеми поздоровалась, мельком кивнула Сва, ещё кому-то и невидяще прошла мимо, не желая ни с кем общаться. По тому, как она в стороне шепталась с двумя ближайшими фрэндихами, было ясно — с нею происходит что-то особенное. От её мимолётного, безразличного взгляда у Сва сразу заняло сердце. Он терялся в догадках и совершенно не представлял, как подойти к ней, о чём заговорить. Весь вечер украдкой поглядывал в её сторону и недоумевал: вот она допила с подругами бутылку сухого, вот надолго замолчала, вот начала нечто несуразное бренчать на гитаре. Бросила... Кому-то блеснула изда-лека глазами. И теперь, сидя на сплюснутых картонных коробках, обхватила колени и низко опустила голову. Лицо скрылось под локонами волос с тёмно-золотым отливом.

Казалось, Лави кого-то ждала. Понятно, что не его, раз так равнодушно прошла мимо... В потоке безрадостных мыслей Сва едва заметил, как она, ни с кем не простясь, вышла на улицу вместе с Точкой. Хлопнула входная дверь. В груди испуганным существом заметалось сердце, но Сва не шелохнулся, словно прилип к полу. Но в то же мгновение понял, какая это была чудовищная ошибка.

Гул голосов стих и тут же возобновился. Все принялись обсуждать этот странный соскок, но Сва не понял ни слова. Так же ни с кем не простясь,

он ринулся к входной двери. Хотелось только одного: догнать её и, ничего не говоря, поцеловать. Крикнуть ей — нет, обнять и, не целуя, шепнуть губы в губы:

— Люблю. Не могу без тебя.

Он добежал по бульвару до метро, покружил около выхода, переулками, замедляя шаги, вернулся к параднику и долго бродил рядом. Всё было напрасно: обе подруги бесследно растворились в зимней тьме.

Только тут его осенило: Лави приходила к нему. Именно к нему и никому другому! Весь вечер ждала, что он к ней подойдёт. И, наверное, думала: «Если любит, увидит, что мне плохо, и скажет хоть что-нибудь, хоть одно слово, обязательно...»

— Идиот! Последний из идиотов! Как я мог этого не понять? Обиды на неё клеил. Поверил Дикю. А что я про неё знаю? Вдруг она болела всё это время? И никаких лаверов у неё нет в помине. Теперь она в парадник не скоро зайвится... А на меня и смотреть не захочет. Да и придёт ли вообще? Если бы ещё хоть раз её увидеть, если бы такое было возможно! Ничего не побоюсь. При всех скажу ей, что люблю.

На следующий вечер Сва пришёл позже обычного, тихо поздоровался, махнул всем рукой и сумрачно примостился в углу, на сломанный ящик из-под фруктов. И тут только заметил Лави, но не поверил глазам: она сидела в обнимку с незнакомым хайратым парнем в глубине подъезда, на лестничных ступеньках, и на Сва не обратила никакого внимания. Он перестал для неё существовать. Остальные лишь кисло-ватно кивнули ему и оставили наедине со своими мыслями. А мысли у него были самые отчаянные. Ему не предложили ни сигареты, ни глотка вина, давая понять, что он здесь уже почти чужой. Кто-то стоял вдоль стен, пересказывая старые прогоны, кто-то привычно расположился на кипах картона и на батарее. Все смокали и гоняли пургу. Две бутылки сухого никак не согрели разговор.

— Вчера я чуть ли не молился об этой встрече. И вот встретились. Лучший момент для признания в любви. Хай тайм. Значит, Дик оказался прав: у неё своя жизнь, свои дела, свои лавера. В тот первый день чуть расслабилась со мной из любопытства и тут же забыла. Непонятно только, зачем передавала мне привет? Но для неё это суший пустяк. Какой же я был наивняк... Ну что ж, Лави, нет больше Сва! Пора отчаливать, вновь становиться Севой, цивилом из универа. Немного посижу напоследок, дождусь, пока тоска поглубже разьест всё внутри — вместе с любовью к тебе и глупыми мечтами. Каждый взгляд на вас двоих — как глоток кислоты. Горячая боль течёт в груди и животе. Скоро там всё растворится, и меня пустой оболочкой навсегда унесёт в заледенелый город. Недолгая операция по выжиганию чувств. Нет, не выдержу больше. Слишком больно так — сразу. Лучше доболеть одному. Где-нибудь, как-нибудь... Всё! Не сил! Прощай!

Сва рывком поднялся и быстро пошёл к двери, у выхода обернулся, чтобы напоследок глянуть на Лави и на бывших друзей, молча махнуть им рукой и молча скрыться. Там, у порога, поймал её далёкий, пронзительно

грустный взгляд. Лави по-прежнему сидела рядом с тем парнем, но была словно одна и неотрывно, умоляюще смотрела. Глазами и всем видом просила: «Не уходи!»

Не зная, что делать, он прислонился к стене и опустил веки, Дрожащими пальцами вынул пачку сигарет и тут услышал её отчётливый голос:

— Пипл, хочу сингануть вам кое-что! Недавно сочинила... для одного классного мэна. Называется «Двадцать лет». Короткая. Хотите?

— Свой новый сонг? Оф коос! Дави, Лави! — голоса гулко отозвались в подъезде. Она поднялась со ступенек, расчехлила гитару, села на единственный покалеченный стул без спинки, отдала сигарету Точке и, глядя в пол, медленно запела грустным, подсаженным от непрерывного курева голосом:

Двадцать лет!
Нам вслед
вторит «нет» и «нет»
этот мир свой жестокий завет.

Снова год
пройдёт,
сердце глупо ждёт,
но весна никогда не придёт!

Жизни жуть
Забудь!
Есть отсюда путь —
в синеву ледяную нырнуть...

Небосвод
плывёт
над кругами вод,
и никто нас не позовёт!

И не жаль,
что вдаль
унесёт февраль
наших душ любовь и печаль,
наших душ любовь и печаль...

Она пела так, словно была одна, едва перебирала струны замёрзшими пальцами и, казалось, всеми силами противилась тоске. Сва подошёл ближе, встретился с Лави взглядом. Глаза её скорбно, без слёз блестели, больше обычного темнели зрачки, но в их глубине к нему метнулось горестное тепло. Она опустила веки и едва заметно кивнула головой, будто спрашивая: «Понимаешь теперь?»

— Да... Всё так... — задумчиво промолвила Данетт.

— Это ты о нас! Это... — румяная Муазель бросилась к Лави, обняла её и готова была расплакаться.

— Брось, мать, надринкалась! — Лави слегка отстранила подругу и опять опустила голову.

Хиппы неясно зашумели. Никто не ожидал услышать песню, где было столько грусти, всегда скрываемой от себя и других. Ей протянули полстакана вина, подошли с каким-то мятым цветком, полезли с поцелуями и растерянными похвалами:

— Найсовый мотив. И слова... зацепили, — задумчиво произнесла Мади.

— Меня что-то плющить стало, — всхлипнула Глори и отвернулась к стене.

— Синганула клёво! Но как-то в облом... — Потоп маялся посреди подъезда и явно не знал, что делать.

— Андэстэнд! Давайте дринканём, раз так. У меня ботл с собой, — Лави подняла голову, сверкнула глазами в сторону Сва и наклонилась к сумке.

В тот же миг рванулось и неистово застучало сердце — словно не давила грудь невыносимая тоска. Мелькнула сумасшедшая мысль, что эту песню Лави спела для него. Со ступеней поднялся её фрэнд и оказался настоящим верзилкой:

— Мать, ты что-то закексовала, — небрежно бросил, открывая бутылку коньяка, — Сделай что-нибудь покруче, для оттяга.

Лави не шевельнулась. Тогда Сва вплотную подошёл к ней и неожиданно, не думая, выпалил:

— Давай выпьем за твою песню и... за твою любовь!

В руках у него ничего не было, и он смутился, не зная, куда их деть. Но и терять ему было нечего. Наступило короткое молчание.

— Ну, и что дальше? — медленно, с издёвкой произнесла Точка.

— А дальше... — Сва наклонился, стремительно поцеловал у Лави руку и с пылающим лицом отпрянул.

Все дружно засмеялись, как от дурацкого прикола.

— Тебе больше нравится быть студнем или мажором? — без раздражения, скорее с любопытством спросила Лави, но в глазах её опять мелькнула непередаваемая, тёплая грусть.

— Мне всё равно. Я сегодня решил соскок отсюда сделать, но вдруг... запал на твоей песне. Спой ещё что-нибудь из твоих, на прощанье! — её же взгляд он отсылал ей навстречу и, затаив дыхание, ждал.

— Брось ты! Какое прощанье... — неожиданно улыбнулась Лави. — Ладно, я вам сейчас одну заводную спою.

Долгий миг пиплы молча переводили взгляды с Лави на Сва и обратно. Она усмехнулась и взяла первый аккорд. Под её пение в параднике постепенно началась лёгкая чума. Это была битловская «Can't Buy Me Love». Всем хотелось развеять внезапную никчёмную тоску и встряхнуться. Пришли две разряженные молодые герлицы. Расцеловались с Лави и с другими как со старыми знакомыми, вынули ботл рэда. Оглядели с ног до головы Сва, но он опять сел в угол и закрыл глаза, не желая играть в кис, участвовать в приколах и слушать дурацкие телеги.

— Брось, мать, надринкалась! — Лави слегка отстранила подругу и опять опустила голову.

Хиппы неясно зашумели. Никто не ожидал услышать песню, где было столько грусти, всегда скрываемой от себя и других. Ей протянули полстакана вина, подошли с каким-то мятым цветком, полезли с поцелуями и растерянными похвалами:

— Найсовый мотив. И слова... зацепили, — задумчиво произнесла Мади.

— Меня что-то плющить стало, — всхлипнула Глори и отвернулась к стене.

— Синганула клёво! Но как-то в облом... — Потоп маялся посреди подъезда и явно не знал, что делать.

— Андэстэнд! Давайте дринканём, раз так. У меня ботл с собой, — Лави подняла голову, сверкнула глазами в сторону Сва и наклонилась к сумке.

В тот же миг рванулось и неистово застучало сердце — словно не давила грудь невыносимая тоска. Мелькнула сумасшедшая мысль, что эту песню Лави спела для него. Со ступеней поднялся её фрэнд и оказался настоящим верзилкой:

— Мать, ты что-то закексовала, — небрежно бросил, открывая бутылку коньяка, — Сделай что-нибудь покруче, для оттяга.

Лави не шевельнулась. Тогда Сва вплотную подошёл к ней и неожиданно, не думая, выпалил:

— Давай выпьем за твою песню и... за твою любовь!

В руках у него ничего не было, и он смутился, не зная, куда их деть. Но и терять ему было нечего. Наступило короткое молчание.

— Ну, и что дальше? — медленно, с издёвкой произнесла Точка.

— А дальше... — Сва наклонился, стремительно поцеловал у Лави руку и с пылающим лицом отпрянул.

Все дружно засмеялись, как от дурацкого прикола.

— Тебе больше нравится быть студнем или мажором? — без раздражения, скорее с любопытством спросила Лави, но в глазах её опять мелькнула непередаваемая, тёплая грусть.

— Мне всё равно. Я сегодня решил соскок отсюда сделать, но вдруг... запал на твоей песне. Спой ещё что-нибудь из твоих, на прощанье! — её же взгляд он отсылал ей навстречу и, затаив дыхание, ждал.

— Брось ты! Какое прощанье... — неожиданно улыбнулась Лави. — Ладно, я вам сейчас одну заводную спою.

Долгий миг пиплы молча переводили взгляды с Лави на Сва и обратно. Она усмехнулась и взяла первый аккорд. Под её пение в параднике постепенно началась лёгкая чума. Это была битловская «Can't Buy Me Love». Всем хотелось развеять внезапную никчёмную тоску и встряхнуться. Пришли две разряженные молодые герлицы. Расцеловались с Лави и с другими как со старыми знакомыми, вынули ботл рэда. Оглядели с ног до головы Сва, но он опять сел в угол и закрыл глаза, не желая играть в кис, участвовать в приколах и слушать дурацкие телеги.

Надо было дожидаться, когда всё кончится, и во что бы то ни стало поговорить с Лави. А если она не захочет, распрощаться и с нею и со всей системой: «Как-нибудь проживу. Половина людей одиноки. Почти все несчастны. Но всё равно живут, — твердил он сам себе. — Только скажу ей, что люблю. Станет легче, я знаю. Больше ничего мне от неё не нужно. Просто уйду. И буду о ней вспоминать. Всю жизнь...»

— Чувак! Ты что, не будешь? — верзила подошёл к нему с открытой бутылкой.

— Буду. За вас, — попробовал овладеть собой Сва, поднялся, сделал несколько больших невежливых глотков и опять сел.

Горячая волна заполнила тело, голова бездумно пошла кругом. Он закрыл глаза и стал ждать. Хотелось лишь одного: чтобы его никто не трогал. К счастью, Дика не было, а остальные про него будто забыли. Что-то синговали — то Лави, то её верзила, то Бор. Хохотали герлицы, дурачился Откол...

Расходиться по домам стали ближе к ночи. Сва молча шёл к метро вместе с парой незнакомых девиц, Лави и её спутником. В черные лужи вмёрзли жёлто-красные листья — остатки осени, которые ушедший ноябрь бросил им под ноги. На перроне все быстро распрощались, и они остались втроём. Верзила обнял Лави, поджидая поезда. Сва глупо стоял рядом и не мог открыть рта.

— Чао! — парень с силой хлопнул его по плечу.

— Гудбай, — пошатнувшись, но не повернув головы, ответил Сва и перехватил быстрый взгляд Лави: — Я хотел бы на прощанье поговорить с тобой, можно?

— На прощанье? — она посмотрела, что-то решая про себя, усмехнулась, будто ждала от него именно таких слов, и чмокнула верзилу в щёку: — Май литл, я пройдусь немного со Сва. На прощанье, как он говорит. Езжай один. О'кей?

— Файн! — сердито буркнул тот, прожёл его взглядом и шагнул в подкативший вагон.

— Можно, я тебя провожу? Хоть чуть-чуть? — теряясь от радости, спросил Сва.

— Что ж, проводи. Поехали на следующем. Мне нужно домой поскорее. Бабушка ждёт, — она отвернулась и пошла вдоль перрона.

— Я так рад, что сегодня тебя увидел. Решил завязать со всеми хиппами... И хочу попрощаться. Только с тобой, — начал Сва.

— Только со мной? Почему такая честь?

— Я тебя совсем не знаю. А других уже не хочу знать. Неинтересно. Но не в этом дело. Мне показалось, ты совсем другая. Ты мне сразу лавну... Я сразу полюбил тебя, как увидел! А после этой песни... Захотелось с тобой поговорить. Потому что... — он поднял лицо, и они встретились глазами, — я сам мог бы похожую написать.

— Ты пишешь песни? — Лави взглянула с лёгким любопытством.

— Нет, стихи. Но одна песня у меня есть, хотя мотив не мой, какого-то американца, не помню...

— Ну, прочти мне что-нибудь, я люблю поэзию, — в её голосе послышалась неприятная нотка.

— Прочту, если хочешь... Хорошо, что я пьян... Нет, я тебе лучше спою. Зайдём в вагон, здесь эхо мешает.

— А там тебе не стрёмно будет? — она усмехнулась, позволила взять себя за локоть и ввести в подъехавший вагон. — Ну, слушаю!

— Я на ухо тебе спою, можно?

— Какой хитрый! — опять усмехнулась. — Можно.

Сва закрыл глаза: «Всё равно! Спою и разойдёмся...» Запел сиплым, неровным голосом:

Опять всё уходит — любви нашей лето...
Зелёные листья желтеют опять.
С тихим криком надежда улетает бесследно,
Только лёгкие крылья вдали шелестят.

Пропало метро, Лави, исчез целый свет... Всё повторялось! Он пел в пьяном одиночестве, наедине с тем давним, первым в жизни приступом отчаяния, когда вдруг почувствовал, что нечем жить, незачем жить:

...И глаз твоих слёзы, и губ твоих нежность,
И слов твоих холод кто сможет понять?
Нам дано как в насмешку: полюбить — потерять!
В миг случайный родиться и исчезнуть опять.

Нет, Лави была рядом, слушала, наклонив голову. Мелькнула надежда: она поймёт, почувствует, что эта песня — прощание с нею, с любовью, которая вдруг является и, целуя, уходит и непонятым чудом покидает жизнь.

— Давно уже написал. На мелодию одного блюза. По «голосам» как-то услышал... Конечно, наивно и коряво, я знаю, — мучительно выдавил Сва приговор себе самому.

И услышал:

— Зря не говори.

Глаза Лави ласково лучились, как в день их знакомства, и опять, как тогда, в их глубине мерцала тоска. Она отвела взгляд и тихо сказала:

— Не ожидала, если честно. Что-то близкое послышалось... Значит, ты стихи пишешь. Дал бы почитать!

— Хочешь? Завтра всё в парадник принесу! — воскликнул он, не веря своим ушам. — Но только тебе одной. Я ведь не поэт. Пишу редко, просто так.

— Только так и можно писать. Ни для кого и ни для чего. Как же ещё? Договорились, никому в параднике не скажу, — Лави внезапно положила руку ему на плечо и пронзила ускользающей, мечтательной улыбкой. — Странно. Ты первый мэн, кто мне свои стихи прочёл. Да ещё и спел. Красиво, — она быстро поцеловала его в щёку и шепнула: — Спасибо.

Сва едва сдержался, чтобы изо всех сил не сжать её в объятьях. Он всё падал и падал в её овечьные дымной горечью глаза...

— Ты правда какой-то дивный. Все герлицы уверены, что ты девушек никогда не любил.

— Любил. И очень сильно.

— А где же сейчас эта твоя любовь?

— Не знаю, наверное, замужем давно.

— Сва, — глаза Лави были закрыты, а рука всё лежала на его плече, отчего восхитительно кружилась голова.

— Что? — чуть приблизился он.

— Глупый... Поцелуй меня.

— Я не могу... Ты такая... Я сразу с ума сойду.

— Значит, тусовка наша ничему тебя не научила? — она отпрянула и рассмеялась.

— Увы, научила! Там поцелуй — как сигарета. Хиппы вообще ничего не чувствуют, не любят, только кисаются с кем попало и так далее.

— О! — Лави опустила глаза. — Опять ты первый, кто мне это говорит. Почему ты? Даже если ты чуточку прав.

— Скажи, — горячился Сва, — кто придумал такой дебильный прикол?

— Это от западных хиппи к нам пришло. И не с кем попало, а только со своими... Неужели ты не понял: в мире уже нет любви! Наш поцелуй — это капелька нежности, крошечная, как цветок, — она отвернулась и шагнула к дверям. — Мне выходить! Спасибо за песню. И за мораль. Не провожай меня, я тут близко живу.

— Прости, ты обиделась, Лави? — Сва опёрся рукой о дверное стекло, будто желая удержать её, и умоляюще произнёс: — Не обижайся! Можно я тебя поцелую? Где тебя никто не целовал?

Она взглянула с издёвкой:

— Прямо здесь? Думаю, таких мест уже не осталось.

— Да, здесь. Сейчас.

— Кайфово. Ну, если ты такой крутой...

Сва поймал её руки и стал с отчаянной страстью целовать худые запястья, холодные пальцы, ногти с обломанным маникюром. Лицом тонул в её ладонях и не мог пошевелиться.

Лави шумно вздохнула, слабо потянула руки назад:

— Уже целовали, — вспыхнула и закрыла глаза. — Сегодня вечером. Один удивительный, глючный мэн...

Через миг на пустом эскалаторе они, изнемогая, искали губы друг друга. Сва в коротком удушье целовал её лицо, шею, волосы, опять губы. И везде, теряя голову, чувствовал покорную, встречную, сводящую с ума нежность. Обнявшись, с закрытыми глазами, они возносились всё выше и цепенели оттого, что вот-вот эскалатор кончится, но не в силах были разъединиться.

— Люблю тебя! Навсегда полюбил! — прошептал Сва, срываясь на крик.

В ответ донеслось едва слышное:

— Ты... Встретить тебя, в этой паскудной жизни...

Комья свежего снега рыхлыми облачками стыли на мокром асфальте. Они шли из метро в сырой холод, Лави держала его под руку. Напрасно Сва пытался её обнять. Она отстранялась и упорно смотрела вниз, в сторону.

— Что случилось, Лави?

— Ничего. Прости, голова кружится. Это от седа... — вздохнула и, не останавливая шагов, отвернулась ещё больше.

Молча прошли сквозь чёрно-белый, призрачный парк полный слабых древесных запахов.

— Дальше не провожай, — сказала она перед большим сталинским зданием и отстранилась, в её взгляде стыла тоска и неожиданное, невыносимое отчуждение. — Тебя всё равно не пустят. Чао, Сва.

Быстро коснулась губами его щеки.

— Не обижайся, уже поздно...

— Лави! — он попытался её обнять. — Мы так и простимся?

— А как бы ты хотел? — вскинула она страдающие, полные слёз глаза. — Чтобы я тебя на ночь к себе прописала? Да?

— Ты о чём? Совсем не то! Совсем! — Сва побледнел, рука закрыла лицо и тут же рухнула вниз. — Раз так... Ничего я от тебя не хочу. И правда, зачем тебе моя любовь? Немного расслабилась, как пиплы в параднике, вот и всё... И всё! Проща-ай!!

Он прокричал последние слова и бегом, не оборачиваясь, бросился назад. Несколько мгновений надеялся, что Лави его окликнет, и готов был вернуться, забыв о позднем часе, обо всём на свете. Но она не позвала.

Сва чувствовал, что для неё это было «не всё». Ошеломлённый, вспомнил её внезапную нежность и слёзы в полных любви глазах, её мучительно дрогнувший голос и эти колкие, обидные слова в конце. Будто нарочно отвечала на песню, которую он спел ей в метро. Будто она и была той, самой первой, с кем он расстался, захлёбываясь тоской... Ничего, ничего он не понимал. Всю ночь мучался от боли. Ещё по дороге домой грудь болезненно сохлась и едва пропускала воздух. Но ни дышать ни жить не хотелось...

Утром не было сил проснуться, начать бессмысленный день, ждать вечера, идти неведомо куда. С парадником он покончил. Но Лави... Потерять её из-за какой-то нелепости, из-за каких-то слов, одних только слов! Нет, она не притворялась, не мстила, не хотела помучить. Она сама мучилась — прерывая их встречу, отрывая от себя его руки, разрывая их мгновенно сросшиеся души.

— С ней что-то непонятное происходит. Плакала и всё равно уходила. Неужели из-за этого верзилы?

Прощальный взгляд Лави нескончаемо летел в душу. В нём была непереносимая, отрешённая скорбь, какой он никогда ни у кого не видел. И её песня, от которой заныло сердце и стало больно жить в ледяном, безнадежно изуродованном мире, звучала повсюду, где бы он ни находился.